

Анна Зимина

ТЕАТР ОДНОЙ АКТРИСЫ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
3-62

Зими́на А.
3-62 Театр одной актрисы / Анна Зими́на – М.: Литнет, 2026. – 158 с.

ISBN 978-5-521-99336-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Быть актрисой театра непросто. Быть актрисой театра в мире, где нет теат-
ра, а есть короли, шпионы и немного магии - сложнее вдвойне. А уж если
от выбранных ролей зависит твоя жизнь...

Когда попадаешь в другой мир и становишься разменной монетой в играх
сильных мира сего, остаётся лишь поднять выше голову и сорвать овации. А
если получится еще и нервы потрепать власть имущим, то сцена выйдет куда
интереснее.

Так что? Играем?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99336-9

© Литнет, 2026
© А. Зими́на, 2026

Глава 1. Сыграй нам на дудуке, старуха Сирануш!

Двое мужчин, запыхавшись, бежали по небольшому портовому рынку. Бежали, видимо, долго, не давая себе передышки. У самой крайней лавки с хурмой остановились. Один из них, молодой, в дорогом бархатном костюме с золотой вышивкой, явно придворный, переводя дух, хрипло ткнул пальцем в спину второго, постарше и не такого лощеного.

– Это ты, ты все подстроил!

– Ты что, глупец? Бежал бы я сейчас с тобой?

– Ну а кто тогда? Кто слышал весь план, кто знал обо всем? Ты мне скажи! Это ты виноват, что переворот не удался, это ты предупредил короля!

Молодой кричал уже на всю улицу, совершенно позабыв, где он находится.

Лавочники сначала слушали во все уши, а потом замерли, примолкли, начали потихоньку расходиться. Но только от одной нарядно украшенной торговой палатки в полной тишине разносился низкий женский голос.

– Хурму-пахлаву покупай! Траву покупай! Дорого отдам, дешево самой надо!

Тетушка Зильда, вдовая и толстая торговка хурмы и степного базилика, лениво обмахнулась старой газетой и заголосила снова.

Из-за угла показались королевские гвардейцы.

– Хурму покупай, преступников арестовывай! Всех двоих, а троих я тебе потом сдам! – закричала тетушка Зильда, подскочив на стульчике и перевернув свой прилавок с хурмой под ноги преступникам...

Отличная реакция была у тетушки Зильды, по совместительству героини и главы королевской разведки, которая по задумке

автора предотвратила государственный переворот. Именно она, нелепая торговка хурмы, простоволосая и глуповатая с виду тетка, по сюжету была центральным персонажем, на котором держалась вся комедийная пьеса.

Постановка вышла отличная, премьера прошла на ура, зрители рукоплескали.

И сейчас торговка хурмой, тетушка Зильда, смывала с лица грим. Через минуту из зеркала вместо страшной бабищи смотрела вполне обаятельная особа. Зильда осталась там, за кулисами, на сцене. Теперь можно немного побыть собой. Девушкой двадцати семи лет с ипотечной однушкой в центре и службой в театре.

Вызов, конечно, был неслабый. В нашей дружной и веселой театральной труппе временный недобор, вот и пришлось мне вживаться в явно не простой образ. Но вроде бы все прошло отлично. Отдача была, а это самое главное.

– Женечка, ты и только ты! Ты прекрасная, чудесная, ты умничка и заечка!

Это наш помреж. Довольный, аж слюни капаят. Когда перед крупной премьерой слегла в больничку Тамара Добрович, лицо нашей труппы, грянул гром. Режиссер метал и рвал, проводя кастинги. Добрович известна, ее любят, ее имя в афишах гарантирует хорошую аудиторию. Приглашенные актеры не повелись, да и денег уже лишних не было, чтобы платить медийным личностям с именем. Вот и воткнули меня. Внешность у меня удачная, что угодно нарисовать можно, фигура тоже – на швабру тулуп накинь, и будет вам толстая швабра. А игра... Игрой я дышала и жила. Там, на сцене, не было меня, моей личности. Был только персонаж выдуманных пьес, который в моем лице обретал реальность.

Как же я любила все это... Особый, немного пыльный запах театра, костюмы в гримерной, бесконечное разучивание сценариев, перевоплощения... Иногда мне кажется, что я была бы идеальным шпионом. Когда я играла, у меня менялись сами собой жесты,

повадки, голос, взгляд. Я в процессе игры словно дробилась на два человека, жила за них обоих. Один был холодным и логичным, отдавал команды телу, а второй имел тысячи лиц. И я кайфовала. В жизни, конечно, умение тоже полезное.

У меня было замечательное детство, хоть матери и отца я не знала, и воспитал меня дядя, мамин брат. Мужик он, конечно, хороший, но не без прикола. Он работал туристическим инструктором, шатаясь по десяткам самых разных маршрутов, от прогулки по карельским лесам до сложных горных восхождений. Дядя был огромен и бородат, обладал отличным чувством юмора, любил животных, играл на балалайке и барабанах и слушал AC/DC. Уже с трех лет меня таскали в небольшие пешие походы. Ну, как небольшие – два-три дня в палатках и тридцать километров ножками через лес – это так, разминка. Навыки выживания, способность найти общий язык хоть с владельцем нефтьвышки, хоть с гадюкой. Выносливость, спокойствие при любых обстоятельствах прививались мне все с тех же пяти лет. Попробуйте запаниковать где-нибудь в дикой сибирской тайге, наткнувшись на маленького кабанчика, или на очередном восхождении, вися на карабине в 700 метрах от земли. Поверьте, ничего хорошего из этого не выйдет. Холодная голова в экстремальных ситуациях – первое правило выжившего. И второе тоже. Третье – беречь ноги, соль и нож. На здоровых ногах можно выбрать-ся откуда угодно, с солью можно съесть что угодно, а нож больше так, для личного спокойствия.

Мы могли уехать на два-три летних месяца в горы, ошиваясь в сторожке егеря у подножия и отпугивая медведей ракетницами, или свалить на самом дешевом чартере на Кавказ на выходные покататься на лыжах с гор... Весело и интересно, ну а что еще нужно ребенку? Мой калейдоскоп впечатлений был более чем внушительным. Все эти картинки больших городов, крошечных деревень, улыбки и разговоры незнакомых и малознакомых людей, краски природы, горячий степной воздух Монголии и прозрачный хвойный – тайги.

Разорванные в клочья кроссовки после походов и ноги со здоровенными мозолями, разбитые коленки, волосы, из которых наутро вычесываешь комаров. Шипение раздраженных змей во влажных оврагах и визг от холодных брызг воды во время переправы по ледяной речке. Костры, гитара, шутки, изматывающие переходы, аромат гречки с тушенкой, влажные от ночной росы палатки и постоянно облезший от загара нос. Иногда я казалась себе то ли Маугли, то ли потерявшимся муравьем с вечной ношей походного рюкзака за спиной.

В школу я ходила не то чтобы редко, но пропускала много. Дядя относился к моему образованию спустя рукава, искренне считая, что навыки общения и новые впечатления вкупе с физической активностью полезнее, чем «бубнеж и зубреж» в классе. И я не особо стремилась к знаниям, хотя читать любила. Да и хороший, надёжных друзей у меня в школе не было. Так, приятели.

Поэтому училась я не очень прилежно. До тех пор, пока в моей жизни не появился театр. А появился он в мои одиннадцать с половиной лет с книгой-биографией Сары Бернар. Детской психике пришел полный и необратимый конец. У меня появился первый кумир – странная тетка, которая любила спать в гробу, чтобы вжиться в театральный образ. Мысль о том, что человек на сцене театра может раздвоиться, переживая несколько жизней и воплощаясь в них, была для меня чем-то новеньким. Я читала, как близкие опасались за здоровье Сары Бернар, которая говорила во время репетиций: «я себя покидаю». И действительно – покидала. Которая в семьдесят лет играла шекспировскую Джульетту. Которая сама окружила свою личность сумасшедшими слухами и стала настоящей легендой. Это казалось мне ооочень интересным. И я упростила дядю купить билеты в театр.

Это был «Вишневый сад» Чехова в старом доме культуры. Я в шерстяном, колючем, но нарядном платье сидела в продавленном кресле и старалась не чихать от вековой пыли и обилия

пылевых же клещей, ввевшихся в помещение намертво. Дядя старался не храпеть слишком громко – все ж таки здание культуры, не палатка в чистом поле.

А потом на сцену вышел Лопухин. И я пропала. И пропала еще раз, когда появилась Любовь Андреевна. Это было как подглядывать в щелочку за прошедшей эпохой, за людьми другого времени и воспитания. И это совершенно не было похоже на фильм – ни на какой, даже самый интересный.

Я тогда мало что поняла из самой пьесы, но те первые образы актёров намертво впечатались в память. Я сидела в кресле, совершенно позабыв про пыль, дурацкое колючее платье и похрапывающего дядю. Я была вся там, «подглядывала в щелочку». Уже намного позже, перечитывая «Вишневый сад», я представляла себе именно тех, первых актеров, именно их игру.

Дома я впервые заявила, что хочу стать актрисой. Притом не кино, а именно театра.

Чего у дяди было не отнять, так это особого, легкого отношения к жизни. «Если хочешь, то станешь. Только надо много читать, хорошо учиться и готовиться к мечте уже сейчас», – сказал он мне тогда. И я запомнила.

Я вгрызлась в учебу, по ночам зачитывалась Станиславским и Гиляровским, постоянно ходила в театры, пользуясь школьными льготами. Из-за легкого склада характера и умения (спасибо дяде!) находить общий язык с кем угодно, я перезнакомилась с кучей замечательных творческих людей. И пробовала перевоплощаться сама.

Самый сложный этап в театральном искусстве – переступить через свои комплексы и уметь расслабляться. «Они будут смотреть на меня, как на дурочку, если я сейчас стану вести себя как леди Макбет!» – думаешь ты и ничего не делаешь. «Если я прочту стихи на вечеринке, все уйдут по домам». «Если я сейчас начну пародировать Сталина, а у меня не получится, меня засмеют»... Все эти

унылые мысли загоняют в рамки, и ты ничего не делаешь, потому что по факту ты права. Да, подумают, что ты дурочка, да, от твоих стихов многих передернет, да, твой Сталин очень неубедительный и похож больше на грузинского таксиста. Но есть один железный способ этого этапа миновать. Надо так играть леди Макбет, что с тобой будут пытаться разговаривать на викторианском английском и предлагать тебе чай с овсянкой. Надо так рассказывать стихи о любви, чтобы циничный молодой мажор, вечный обитатель самых пафосных вечеринок, разрыдался и ушел в декабре собирать на поле ромашки для любимой. Нужно так пародировать Сталина, чтобы его угадывали по двум твоим морщинам на лбу и движению левой руки. А для этого нужно бесконечно много работать. Знать основы психологии, психофизики, уметь ловить настроение людей и бесконечно подстраиваться, при этом оставаясь яркой индивидуальностью. Тут у кого хочешь кукушка может поехать.

Помню, как при поступлении в театральный успокаивала горько рыдающую пухленькую девчущку, вцепившуюся в оградку института. Во время прослушивания она читала отрывок из «Белых ночей» Достоевского, и, по заключению мэтров, прочитала хорошо. Только вот фраза «вы читаете программу, которую должна читать хрупкая и маленькая девочка, а не особа с лишним весом. Всего доброго, приходите, как похудеете, или выберите что-нибудь другое» напрочь растоптала ее мечту. Здравствуй, о, дивный взрослый мир! Театралы – это особая каста. Гадюшник, жабяшник и ехидник, помноженный на сто. Как я поступила с первого раза – ума не приложу, но это было нервно и зло.

Перед тобой люди, которые считают себя небожителями, а ты должен их удивить, демонстрируя при этом отличную дикцию, актерский талант, типаж, надрыв, хорошие зубы (и я сейчас не шучу, плохие зубы, не тот разрез глаз или проблемная кожа – и ты в пролете), хорошие ноги, мимику, язык жестов и... Бог весть сколько всего еще. Видимо, я так убедительно читала Мольера, что не оставила почетному жюри возможности надо мной поиздеваться.

А потом была учеба, где я каждый новый день ощущала себя на своем месте.

Сейчас мне двадцать семь лет, и моя мечта сбылась. Правда, с романтики театра обвалилась позолота. Труд этот тяжелый и выматывающий, но я занималась любимым делом и была счастлива. Хотя бы в этот момент, сыграв довольно тяжелую роль и вытянув спектакль. А сейчас, скорее всего, буду еще счастливее, потому что щедрый помреж будет всех нас поить.

– Женечка, я в тебе даже не сомневался! Никогда! Эй, все там, сюда, шампанское давай!

Ну, я же говорила.

Народу надо расслабиться – от этой постановки многое зависело. Мы уверенно шли на крупные площадки, и сегодняшний день – переломный. Вроде бы все прошло отлично, но напряжение, конечно, сбросить надо.

И, конечно, все скоро скатится в банальную пьянку. Ну, или не очень банальную. У творческой интеллигенции свои приколы.

Помню, как еще курсе на третьем моего театрального института наша гордость и надежда в лице активистов и ударников творческого тыла чудили так, что их вся округа знала.

Первый раз, помню, группа из шести человек (включая меня, конечно) так убедительно сыграла сутенера и его «девочек» в ближайшем баре, что вечер закончился в милицейском участке. Ох, что тогда было... Потом было нашествие зомби на библиотеку Пушкина (мы даже воняли для пущей убедительности), шаманский обряд в новогоднюю ночь на центральной площади (бурят Виталик сыграл как бог) ... Да много чего было. Готовились к таким пассажам мы всегда очень ответственно. Однажды даже учили старославянский язык, сами плели лапти и искали льняные рубахи с сарафанами, я даже тогда петухов по подолу вышивать научилась. Наш выход тогда был грандиозным. Мы выперлись в центр: парни с кривыми стрижками «горшок» и лицами богатырей-идиотов в грязноватых

зашарканных лаптях с онучами, девицы с косами и в сарафанах с красными петухами. У меня было в руках еще и лукошко с черникой, купленной с вечера, и рот перемазан синим. В общем, полное погружение.

О, как мы тогда оттянулись! С крайним испугом на лицах дергались от машин, трогали людей за рукава и в панике вещали что-то типа «кынязь живота лихованъ, бысте вельми замятня». Мы, девицы, ревели в три ручья, боялись промоутеров, а потом с удивлением крутили флаеры, провождали взглядами нарядных дам и приговаривали вслед «баско, баско», и между собой говорили только на старославянском.

Кто-то, конечно, подумает, что по нам плакала психиатричка, но нам было весело. Да и подобные перформансы наши маститые преподаватели тайно поощряли, довольно ухмыляясь и ехидничая на парах. К тому же, это бесценный опыт. Люди смотрят на тебя, но тебя – не видят. Они видят только твоего персонажа. А под это дело столько всего наворотить можно! Вспомнить приятно.

– За корабли, бороздящие просторы Большого театра!

– За корабли! За корабли!

– За корабли! – я тоже подняла бокал, поддерживая наш классический тост. Грузин среди нас не было, за все хорошее уже выпито, и когда заканчиваются поводы, мы пьем за корабли. Или за Бондарчука, но это уже в последней стадии, когда дамы на автопилоте готовят коктейль «Северное сияние» (для несведущих – водка с шампанским), а мужчины уже в абсолютном невметозе.

Я уже была тепленькая, когда осветитель Гоша возжелал увидеть меня в облике армянской бабушки Сирануш.

– Ты – чистая славянка! Из чистой молодой славянки никогда не получится чистой старой армянки! Типаж не тот, уж я-то знаю.

Конечно, осветители – они всё знают.

А вообще это он на понт берет. На слабо. Но пьяненьким гримершам много не надо. Через пару минут к моему лицу уже присоса-